

Т. Г. Кучина

Зимняя дорога: стиливая реконструкция метасюжета в повести «Метель» Владимира Сорокина

«Метель» рассматривается в контексте тех произведений русской классической литературы, в которых получил разработку метасюжет зимнего пути. Последовательный анализ серии сюжетных «вариаций» в повести В. Сорокина позволяет выявить особенности авторской интерпретации «метельного» мотивного комплекса.

Ключевые слова: метель, мотив пути, реминисцентный фон, "Winterreise", метасюжет, стиливая мимикрия.

T. G. Kuchina

Winter road: stylistic reconstruction of snowstorm plot in "Metel" by Vladimir Sorokin

The subject of this article is V. Sorokin's variations on the basic "road" plot. The tale "Metel" ("The Snowstorm") is analyzed as a stylistic exploration of all possible narrative varieties that have been so far proposed by authors of literary travelogues.

Key words: snowstorm, road motive, intertextual background, "Winterreise", metatheme, style mimicry.

Умение Владимира Сорокина строить оригинальный сюжет из общих мест классической литературы («Роман», 1994) или писать за Толстого, Чехова, Платонова и Набокова («Голубое сало», 1999) давно уже рассматривается как основа его поэтики. Произведения В. Сорокина можно определять как «коллаж банальностей» (П. Вайль [1]) или «постмодернистский пастиш» (В. Руднев [6, с. 196]) – суть комбинаторного метода письма от этого не изменится. Свободно сочетая канонические формы и авангардистские стратегии построения текста, В. Сорокин демонстрирует проницаемость жанрово-стилевых границ – и, как следствие, обнажает трансформационные возможности регулярно воспроизводимых литературных матриц (а следствием метаморфоз может оказаться аннигиляция жанра или коллапс языка).

Однако в повести «Метель» (2010) В. Сорокин, вопреки ожиданиям, не прибегает к крайностям и, определяя характер поставленной перед собой задачи, подчеркивает: «Я должен признаться, что по форме хотел написать классическую русскую повесть <...> Я вообще к этому тексту подбирался давно, уже давно – еще когда писал "Норму", в некоторых рассказах. Написать повесть, во многом безнадежную, про зимнюю дорогу» [4]. На первый взгляд «Метель» действительно кажется весьма элегантно исполненной фантазией на темы русской классики. Название взято напрокат у Пушкина (хотя при вниматель-

ном чтении обнаружатся аллюзии на «зимние» стихотворные тексты Вяземского, Жуковского и рассказ «Метель» Л. Н. Толстого). Главный герой – доктор Гарин (без гиперболоида, но в пенсне, которое ему «одолжил» земский врач Чехов). С вакциной в саквояже он направляется в отдаленное селение (Долгое), пораженное эпидемией (сюжет вполне в духе «Записок юного врача» Булгакова). Открывается повесть разговором доктора со станционным смотрителем – совершенно в духе тех диалогов, которые обычно ведутся зрителями и едущими по казенной надобности путешественниками: «Да поймите же вы, мне надо непременно ехать!» – в сердцах взмахнул руками Платон Ильич <...> «Да как же-с нам не понять-то? Как не понять-с? Вам ехать надобно-с, я понимаю очень хорошо-с. А у меня лошадей нет и до завтра не будет!» [7, с. 5] Упоминания о ситцевых занавесках, сильно нагретой горнице, часах-ходиках в виде избушки бабы-яги и прошлогоднем журнале «Нива» завершает картину: читатель «Метели» вряд ли усомнится в том, что и сюжет, и язык повести принадлежат XIX веку (хотя собственно хронологический диапазон может быть и чуть шире – от «Станционного смотрителя» Пушкина до «Темных аллея» Бунина).

Хрестоматийные персонажи у В. Сорокина «масштабированы» по-гоголевски. Запряженные в «самокат» Перхуши лошади – как средней величины поросята (правда, пару раз мелькнет и

сравнение с куропатками); пятьдесят Перхушиных лошадиных сил как раз равны одной обычной почтовой. Мельник, у которого ночуют путники, пьет водку из наперстка, поскольку и сам ростом не более самовара. (Попутно заметим, что мельника и его жену В. Сорокин именуется по образцу гоголевских старосветских помещиков: в «Метели» у героев, так же как у Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича, одинаковые отчества – Таисия Марковна и Семен Маркович; правда, старосветская идиличность быта у В. Сорокина заметно редуцирована.) Зато встречные «прохожие» заглянули в «Метель», похоже, из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», поскольку головы одного из *больших* (так называют 5–6-метровых людей) хватило, чтобы полностью перекрыть всю дорогу по ширине. *Большие* в «Метели» заняты главным образом на тяжелой физической работе, а вот сферу «менеджмента» – например, управление мельницей – В. Сорокин передает *маленькому человеку*. (При этом терминологическая актуальность словосочетания «маленький человек» в повести полностью игнорируется: маленький (как и большой) – исключительно указание на размер, лишённое всех привнесённых литературоведением коннотаций.)

Однако в ладно скроенном литературном мире XIX в. в «Метели» то и дело начинают мелькать анахронические вставки – подобно концептуалистским инсталляциям в раме классического полотна. Приезд доктора Гарина и Перхуши на мельницу выполнен по пушкинским прописям – основой вполне мог быть эпизод из «Капитанской дочки», рассказывающий о счастливом спасении Гринева, кибитка которого выехала к постоялому двору. Вот интерьерная рамка пушкинского текста: «Хозяин... ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка» [5, с. 242]. В «Метели» В. Сорокина лучину сменяет керосиновая лампа, а оружейный арсенал расширяется – доктор Гарин замечает на стене «двустволку и автомат Калашникова на лосиных рогах» [7, с. 40]. В «пушкинскую» обстановку, дополненную «бунинскими» подробностями из «Темных аллей» (чистая горница, печь, покрытый скатертью стол, лавки), В. Сорокин вписывает еще и радио, которое *показывает* три голографических программы (по первой обязательно расскажут о реконструкции автомобильного завода в Жигулях), и телефон, работающий с необъяснимыми сезонными ограниче-

ниями (зимой связи нет). Появление же в финале среди заснеженных русских равнин китайцев с мобильниками недвусмысленно указывает на то, что не только XIX, но и XX век уже миновал – и действие завершилось примерно в середине XXI.

Пространственные координаты «Метели» так же податливы на растяжку, как и временные. Станционный смотритель утверждает, что до Долгого пятнадцать верст, по прикидке Перхуши, выходит верст семнадцать, – а в действительности ехать приходится словно на другой конец света (в конечном итоге и вовсе на тот свет). По мере продвижения сквозь метель цель отдалается все больше, всякое приближение к ней – иллюзорно, и даже тогда, когда Гарину начинает казаться, что до Долгого уже можно дойти пешком (из оставшихся трех верст небольшую часть пути удалось проехать на «самокате»), селение остается недостижимо далеко, словно «отклоняясь» от маршрута доктора.

В повести В. Сорокина актуализирован набор устойчивых «метельных» мотивов из русской поэзии и классической прозы. Кружение снега и кружение путника, сбившегося с дороги, гибельная мгла, в которой исчезает граница между светом и тьмой, вылазки лешего (бесов) и охота волков на потерявшего ориентацию в пространстве человека – все эти инвариантные составляющие «метельного» сюжета были заявлены еще в стихотворении Вяземского «Метель». Приведем несколько фрагментов: «День светит; вдруг не видно зги» – так метель начинается; «Тут выскочит проказник леший, / Ему раздолье в кутерьме», «Чутьё заглохло и застыло / И в ямчике и в лошадях» – таковы основные перипетии рискованного путешествия; неизбежный итог – «И в полночь самую с дороги / Кибитка набок – и в овраг» [2, с. 144]. По верному замечанию К. А. Нагиной, «в стихотворении Вяземского содержится весь комплекс значений инфернального сюжета метели» [3, с. 12]. Он поддержан и Жуковским в «Светлане» (и впрямую связан с темой смерти – пусть и низвергнутой, побежденной волей автора в финале), и Пушкиным в «Бесах» (с особенно отчетливым звучанием мотива бесконечного и лишённого всякого смысла кружения). В «Бесах» Пушкин привносит в «метельный» сюжет новые акценты – прежде всего связанные с осмыслением символических значений образа (метель как стихия – «бессмысленная и беспощадная»); полагая, что дорога ему подвластна и он по собственной воле выбирает

маршрут, путник заблуждается – в прямом и переносном значении слова.

Прямым же прозаическим источником «Метели» В. Сорокина следует признать одноименный рассказ Л. Н. Толстого (1856). Перемещение из пункта А в пункт Б превращается во время метели в абсурдное кружение: путники встречают обоз, который уже обогнали. Л. Н. Толстой многократно фиксирует утрату всяких ориентиров – кругом «все белеет и мерещится» [8, с. 221]; «ни столба, ни стога, ни забора – ничего не видно. Везде все бело, бело и подвижно» [8, с. 221]. Подобные формулы находим и почти на каждой странице повести В. Сорокина: «Снег валил и валил. Временами он падал так густо, что доктору казалось, будто они ходят по кругу» [7, с. 50]; «бесконечная дорога, окруженная сонными сугробами, со зловеще струящейся поверху змеей-поземкой» [7, с. 84]; «клубящаяся снежная мгла» [7, с. 86].

Упоминание в рассказе Л. Н. Толстого о калмыцком кочевье (его едва различимые контуры подсказывают ямщикам, что они сбились с пути и заехали не в ту степь) в повести В. Сорокина развернуто в большой эпизод встречи доктора Гарина с казаками-кочевниками («витаминадерами»). «Жаркие» сны замерзающего, в рассказе Л. Н. Толстого составляющие самостоятельную сюжетную линию, развивающуюся параллельно «заглавной» – преодолению дороги во время метели, в повести В. Сорокина делятся между Перхушей, которому снится пожар в доме отца, и доктором, которому снится венчание и который чувствует «*потрясающее* тепло» [7, с. 171], исходящее из-под пола церкви.

Однако различия между двумя «Метелями» важнее переключек. Счастливая развязка толстовского рассказа отчасти иррациональна. Первый возница героя – неумелый, неловкий и трусоватый – имел все шансы доставить ездока в полную неизвестность. Все надежды ямщика – на лошадей (которые вряд ли доведут до пункта назначения, зато вернут на «домашнюю» станцию, если им дать волю), а маршрутом движения в метель он и вовсе не интересуется: «Что ж делать! поедем куда бог даст» [8, с. 212]. Пересев в другую кибитку, толстовский путешественник обнаруживает, что и второй ямщик на вопрос: «Куда ехать?» – полагает правильным ответом «А кто е знает!» [8, с. 197]. Однако второй – Игнат – оказывается человеком не только рискованным, но и удачливым – и своего пассажира к пункту назначения все-таки привозит (впрочем,

сам как будто бы этому удивляясь: «”Доставили-таки, барин!” – сказал он»; этой репликой ямщика рассказ Л. Толстого и заканчивается). Обретение пути совершается вопреки здравому смыслу: дорогу под снегом никто не видит, направления движения определить в метельной круговерти не может, спрятаться от холода негде; последнее, что, засыпая на морозе, запоминает толстовский герой, – Игнат снимает сапоги и, переобувшись, почему-то уверенно заявляет: «Будьте покойны: доставим <...> Теперь важно ноги согрелись, как перебулся» [8, с. 201], словно есть обязательная причинно-следственная связь между надеванием сапог и явлением из-под снега дороги. Однако, проснувшись утром, толстовский герой обнаруживает, что дорога действительно чудесным образом отыскалась.

Герой же В. Сорокина, движимый чувством долга и необходимостью доставить вакцину, упорно и настойчиво требует ехать вперед (несмотря на сломанный полоз, на испуг *малых* лошадей, которые впали в оторопь после появления на дороге волков, на почти непреодолимое препятствие в виде *большого*, который пьяным замерз на дороге). Упорство доктора Гарина и терпение Перхуши, казалось бы, должны быть неминуемо вознаграждены – дорогу, как известно, осилит идущий. Однако В. Сорокин предлагает принципиально иную развязку.

Метель, с самого начала скрыв от Гарина дорогу в Долгое, открывает ему иные пути – конечно же, иллюзорные: «Доктору показалось, что сама метель показывает им дорогу, заставляя Перхушу править точно против ветра <...> “Двигаться против ветра, преодолевать все трудности, все нелепости и несуразности, двигаться прямо, ничего и никого не боясь, идти и идти своим путем, путем своей судьбы, идти непреклонно, идти упрямо. В этом и есть смысл нашей жизни!” – думал доктор» [7, с. 118]. Обманывая ясностью пути, метель сменяется чудесным ночным видом на снег и звезды – однако он не отменяет отчаяния от невозможности прямого движения к цели. «Не нашел я пути» [7, с. 168] – этими словами доктора завершается его долгая дорога; Гарин возвращается к «самокату» Перхуши – и всякое движение в повести полностью останавливается.

Таким образом, в своей повести В. Сорокин последовательно развертывает череду сюжетных вариаций на тему метели, выводя на первый план то одни, то другие значения «метельного» мотивного комплекса. Его герои то попадают в инфернальный «зимний» сюжет, оставленный рус-

ской литературе Вяземским и Жуковским, то получают возможность отдохнуть на «пушкинской» остановке, обустроенной с оглядкой на «Капитанскую дочку», то «въезжают» на территорию «Прекрасной мельничихи» – вокального цикла Шуберта – Мюллера (роль шубертовской красавицы отлично сыграла для доктора Гарина Таисия Марковна – была действительно хороша и желанна, а вот Перхуша в этом эпизоде естественным образом выпал из сюжета, устроившись спать на печке). Отметим, что еще один песенный цикл Шуберта на стихи Мюллера – «Зимний путь» – постоянно присутствует в «Метели» В. Сорокина невидимым вторым ярусом: прямых пересечений с "Winterreise" в повести нет, но некоторые путевые впечатления героев выглядят парафрастической конкретизацией поэтических микросюжетов В. Мюллера [9]. Метель то кружит и путает героев В. Сорокина, то указывает им путь (отголосок мотива «мудрой» метели из «Повестей Белкина»); то накрывает снежной тьмой, то прорывается огненным светом (уже поблоковски); то отнимает все жизненные силы, то дарит ощущение величайшего счастья – вспышкой прозрения и всепонимания. Даже развязки «метельного» сюжета В. Сорокин предусматривает две: Перхуше достается реализация губельного финала, доктору Гарину – спасительного. Однако, перебрав разнообразные версии зимних путевых историй, В. Сорокин завершает «метельный» сюжет XXI в. без оптимизма: благая цель недостижима, миссия – невыполнима.

Примечания

1. Вайль П. Похвальное слово штампу, или Родная кровь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srkn.ru/criticism/vail.shtml>

2. Вяземский П. А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982.

3. Нагина К. А. «Метель-страсть» и «метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 4. История и филология, с. 12–20.

4. Обнять метель. Интервью В. Сорокина записала Н. Кочеткова // Известия. 2 апреля 2010.

5. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987.

6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.

7. Сорокин В. Г. Метель. М.: АСТ, 2010.

8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.

9. Отчетливую переключку «Метели» с "Winterreise" В. Мюллера можно обнаружить в том эпизоде, который рассказывает о попытке доктора Гарина пешком добраться в Долгое. Одно из стихотворений В. Мюллера – "Der Wegweiser" – об одиноком и усталом путнике, пробирающемся через снег; взгляд его натывается на указательный дорожный знак – и путник осознает, что ему предстоит отправиться в страну, из которой никто не возвращался: "Eine Straße muß ich gehen, / Die noch keiner ging zurück" (Müller, W. Winterreise [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.deutsche-liebeslyrik.de/muller_wilhelm_winterreise.htm) В «Метели» же Гарин, пробираясь по пояс в снегу в поисках дороги, натывается на «чудовищных размеров снеговика, с огромным, торчащим снежным фаллосом» [7, с. 164]. Орясина, воткнутая в пузо снеговика (а он ростом с двухэтажный дом), выглядит на дороге (точнее, над дорогой) гротескным указателем – она направляет героя туда, откуда не возвращаются (снеговик «стоял с неколебимой готовностью проткнуть своим фаллосом окружающий мир. Доктор встретился взглядом с глазами-булыжниками. Снеговик посмотрел на Гарина. Волосы зашевелились на голове у доктора. Ужас охватил его» [7, с. 165]).